

Марина Винтерс

**Сиамская
принцесса**

Марина Винтерс

Сиамская принцесса

<https://litres.ru/74111009>

SelfPub; 2026

Аннотация

Катя Десницкая — русская дворянка, ставшая женой сиамского принца Чакрабона, вошла в историю как женщина, ради которой была нарушена граница между двумя мирами — Востоком и Западом, долгом и чувством, тронем и сердцем. Их любовь вспыхнула как чудо, пережила блеск дворца, рождение сына, ревность, измену и горькое расставание. Но именно тогда, когда всё, казалось, было потеряно, судьба нанесла последний удар: смертельная болезнь принца, позднее прощение, прощание у смертного ложа и отъезд Кати из Сиама навсегда. Эта поэма — не просто история любви. Это рассказ о женщине, которая оказалась сильнее дворцовых интриг, но бессильна перед предназначением; о мужчине, который слишком поздно понял, кого послал ему Бог; о любви, что не исчезает даже после смерти, а становится светом, виной, памятью и спасением.

Марина Винтерс

Сиамская принцесса

Случалось ли вам, в час вечерний,
Когда стихает шум дневной,
С особой мягкостью и верно
Войти в рассказ, как в мир иной?
Не для затей, не для ученья,
Не для блеснувших на листе,
— А для негромкого волненья,
Что зреет в ясной простоте.
Пусть будет так и в этот раз.
Пусть слово льётся без усилия,
Как будто сам неспешный час
Нам открывает в жизни крылья.
И, не спеша, за строфой строфа
Нас поведёт за тем вдаль,
Где детство, дом, любовь, дорога
— Всё, что потом хранит душа.

Не всякой жизни с первых дней
Дан блеск пророчества земного;
Порой в тиши обычных дней
Созреет тайна неземного.

Идёт дитя среди людей,
Как все — под кровом, под заботой,
Но уже тень грядущих дней
Стоит за хрупкой позолотой.
Ещё не знает сам никто,
Какой в душе заложен пламень,
Каким невидимым перстом
Ей будет путь означен в камень.
Но Бог, когда ведёт судьбу,
Не сразу знак даёт для взгляда:
Сначала — детство, сад, избу,
Потом — разлука и преграда.
Так и она: в начале лет
Ещё не женщина — дыханье,
Не имя громкое, не свет,
А тихой жизни обещанье.
Ещё не знает, что вдали,
За гранью родины и горя,
Её уже в иной земли
Ждёт чуждый трон, любовь и море.
Что будет путь её не прям,
Не кроток, не благополучен;
Что сердце, данное мирам,
Сгорит любовью в день грядущий.
Пока же — только ранний час,
Когда душа ещё невинна,

И Бог ведёт, не открывая глаз,
Свою избранницу — Катерину.

Она вошла в земную тишь
Не под грома и не под клики,
А так, как входит в летний мир
Рассвет — спокойно и велико.
В провинциальной стороне,
Где дом хранит уклад старинный,
Где сад склоняется к стене,
Родилась девочка — Катрина.
Не знал никто в тот первый миг,
Когда над колыбелью нежной
Склонился домашний тихий лик,
Что путь её не будет прежним;
Что ей назначено не в круг
Лишь будней, скромных и обычных,
Но в тот предел, где боль и дух
Смыкают жребий необычный.
Отец недолго был при ней.
Едва младенчество минуло,
Как ранний сумрак чёрных дней
К семье безмолвно прикоснулся.
И дом, где только что тепло
Дышало силой и опорой,
Вдруг ощутил, как тяжело

Становится от первой скорби.
Есть возраст, в коем не понять
Ещё утраты всей глубины,
Но сердце учится дышать
Сквозь воздух ранней годовщины.
Так в ней, быть может, с первых лет
Легла не детская, а тайна:
Что в мире нет прочнее свет,
Чем тот, что хрупок изначально.
Но мать стояла, как свеча
В окне, где ветер воет с поля,
И, не ломаясь, горяча
Одной любовью и одною волей,
Хранила малый этот круг —
Детей, домашний лад, молчанье,
Чтоб не был сиротлив недуг
Последним словом мирозданья.
И брат был рядом. Детский дом
Ещё дышал своим покоем;
И жизнь, хоть тронута перстом
Беды, не стала тьмой глухою.
Быть может, именно тогда
В душе девической и кроткой
Росла та внутренняя да,
Что позже станет силой твёрдой.
Шли годы. Медленно, светло

Сознание в ней приобреталось.
В ней не шумело ремесло
Тщеславья; тише открывалось
Иное: сдержанный огонь,
Та ясность, что не просит сцены,
Та благородная ладонь,
Что создана не для измены.
Она росла не как цветок,
Который ищет лишь вниманья,
Но как глубокий родничок,
Копящий силу без названья.
И взгляд её уже тогда
Хранил какую-то разлуку,
Как будто будущие года
Уже слегка касались руки.

Потом дорога увела
Семью от тихого предела.
Иная улица легла
Под шаг взрослеющего тела.
Большой, шумящий южный град,
Где жизнь полней и многолюдней,
Принял их, будто бы подряд
Впуская в новый круг свой трудный.
Здесь детство стало отходить,
Не вдруг, не грубо — понемногу;

И начинала жизнь учить
Не только чувству, но и долгу.
Есть возраст, где душа цветёт,
Но не одним цветком беспечным:
Она уже чего-то ждёт,
Сама себе ещё не внемля.
И в Кате зрела красота —
Не та, что шумно побеждает,
Не та, что праздная мечта
Без смысла в зеркале встречает;
Но та, в которой есть покой,
И мысль, и сдержанное пламя,
И тот неясный свет живой,
Что дольше власти над глазами.
Она не ведала ещё,
Какой ценой даются встречи,
Как часто женское плечо
Несёт судьбу сильней, чем плечи
Тех, кто привык повелевать,
Кто званьем прикрывает слабость.
Но в ней уже жила печать
Не хрупкой прелести — а правды.
А после — новая беда: Уходит мать.
И сиротливо Вдруг размыкаются года,
Где всё держалось так терпливо.
Когда последняя опора

Снимает руку с плеч детей,
Мир делается шире скоро —
И холодней, и тяжелей.
С той поры юность для неё
Уже не только ожидала,
Но словно внутренне своё
Назначенье распознавала.
Не в том, чтоб жизнь легко принять,
Не в том, чтоб в ней искать убранных,
А в том, чтоб, падая, вставать
И не бояться постоянства.

Столица встретила её
Не лаской — строгостью и ветром.
На севере земное всё
Звучит отчётливей и бледно.
Там камень, небо и вода,
И лица, полные движенья,
Как будто требуют всегда
От сердца ясного решенья.
И Катя в этот новый круг
Вошла без шума, без кокетства;
Не для блистательных услуг
Салонного пустого детства,
Не для беспечных вечеров,
Не для улыбок без значенья —

Её влекло туда, где зов
Беды нуждается в служенье.
Так часто лучшие души
Не там себя впервые знают,
Где им сулят одни цветы,
А там, где раны перевязывают.
Где рядом стон, где труд, где ночь,
Где гордость бесполезной станет,
И только сердце может смочь
Остаться кротким, не устанет.
Она пошла не за венцом,
Не за возможностью отличья,
Но за суровым тем лицом
Любви, что выше всякой притчи.
Училась тихо быть при том,
Кто слаб, горяч, изранен, болен;
И в этом подвиге простом
Росла, сама того не ведав,
Та глубина, та женская свобода,
Что станет позже смыслом рода.
Не знала, может быть, она,
Склоняясь к раненым кроватям,
Что тут уже закалена
Для будущих великих утрат ей
Душа. Что милосердный труд,
Где каждый день не просит славы,

Готовит к тем путям, где ждут
Не лавры — а любовь и раны.
Что будет ей дано потом
Не только видеть боль чужую,
Но всей своей судьбой, всем сном
Испить разлуку роковую.
Пока же — только долг и свет,
И юность в белом покрывале,
И тот ещё неясный след,
Которым небеса писали.

В краю, где зной не знает меры
И вечер медлит над рекой,
Где пальмы тянутся к эфиру
Над влажной, тёмною землёй, —
Жил юный принц. Ещё ребёнок,
Но в нём уже таился склад
Тех лет, что, миновав спросонок,
Дадут и честь, и ясный взгляд.
Рама, пятый из королей,
С Николаем дружбу вёл не шумно,
Без пышных жестов и затей,
А просто, твёрдо и разумно.
И потому Чакрабон в дар
Был в Петербург послан когда-то,
Чтоб там, среди зимних, строгих чар,

Вкусить иного, русского лада.
Пажеский корпус принял его
Не как заморскую диковину, —
А как питомца своего,
Чей путь был связан с северной родиной.
И, юной статью окружён,
Он взрослел в строю, в ученье строгом;
В нём формировался тонкий тон
Учтивости, не чуждой Богу.
Он говорил по-русски ловко,
С достоинством и без натяжки;
И в нём была не светская уловка,
А благородство без фуражки.
Он помнил снег, и Невский ветер,
И сумрак долгих январей;
И всё, что в юности есть светом,
Хранится долго и верней.
Он возвращался — не забыв
Ни русских слов, ни взглядов тихих;
И в дальнем Сиаме, среди нив,
Жила в нём северная прихоть
Не в смысле прихоти, а той
Незримой, ласковой привязанности,
Что остаётся за спиной
И греет в самый час расстратности.
Так он рос, входя в свой чин

Не шумно, не для глаз любопытных;
И в нём, как в зеркале единым,
Сошлись две жизни, две молитвы —
Восток и Север. И судьба
Уже готовила им встречу:
Пока ещё она слаба,
Но в сердце делает свой меч.

В тот вечер, в доме Храповицкой,
Где разговор струился в лад,
Он появился незаметно,
Как будто не искал наград.
Но стоит только взгляду встретить
Тот образ, что назначен нам, —
И сердце, прежде чем заметить,
Уже сдаётся голосам.
Она вошла — легко, несмело,
С той чистой прелестью лица,
Что не нуждается в умелом
И долгом замысле творца.
И он — сперва почти случайно—
Поглядел, потом взглянул опять,
Как будто в памяти отчаянно
Хотел знакомое узнать.
— А это кто? — тихо он сказал,
Наклонившись к одному из близких.

— Одна из юных местных дам,
Приехала к нам нынче близко.
— Какое имя? — Катя. Он
Ещё не знал, что это слово
Запомнит, как ночной закон,
Как музыка, что в нём готова
Звенеть и после, и всегда,
В любом дыханье, в каждом взоре.
Он улыбнулся. Но тогда
Улыбка скрыла больше в горе,
Чем показала. И с тех пор
В нём что-то тихо изменилось:
Вниманье, трепет, тайный спор
С самим собой — и сердца милость.
Он говорил ей чуть позднее,
Когда остались без свидетелей,
С той мягкой робостью речей,
Что у влюблённых и заметней,
Что у других. — Простите мне,
Но я, признаться, поражён.
Ваш голос, взгляд... в такой весне
Я будто снова пробуждён.
Она смутилась. — Ваше высочество,
Вы слишком добры ко мне.
— Нет, — отвечал он, — это чувство
Не от учтивости извне.

Я не умею лгать словами,
И потому скажу прямой:
Случилось мне остаться с вами
Надолго в памяти моей.
Она промолчала. И только
Румянец лёг на тонкий след
Щеки — так тихо, так недолго,
Как будто в ней не спорил свет.
А он стоял, не смея боле
Ни продолжать, ни отступить;
И сердце в радостной неволе
Учило юношу любить.
С тех пор он искал её взглядом
В толпе, в движенье, в тишине;
И если рядом ее не было —
Всё становилось бледным вдвое.
Ему хотелось быть при ней,
Узнать, что радость её значит,
Понять, о чём молчит сильней.
И если шёл он в зал, где лица
Блестели, как случайный лёд,
— То лишь затем, чтобы стремиться
Туда, где Катя миром ждёт.
Так началась их тишина,
Где слово было осторожно,
Где даже шутка, хоть одна,

Звучала ласково и сложно.
И в этом робком, тёплом свете
Рождалась та любовь, что впредь
Не даст им жить на белом свете
Без права верить и терпеть.

С тех пор он жил уже иначе:
Во всём искал её следы,
И если день был хоть немного
Светлей, чем прочие труды, —
То потому, что где-то рядом
Она дышала, говорила,
И этот голос, тихий, ладный,
Ему и отдых был, и сила.
Он приезжал на встречи, в дом,
Где вечера текли неспешно;
И ждал мгновений, чтоб потом
Они прошли как можно нежно.
Он ловил жест её руки,
Простой, почти неуловимый,
И в нём рождались две тоски:
Быть ближе — и остаться мимо.
— Вы сегодня молчаливы,
— Сказала Катя как-то раз.
Он улыбнулся торопливо,
Но взгляд его потух тотчас.

— Молчалив? — сказал он.

— Может статься.

Но разве можно не молчать,

Когда боишься оглянуться

И то, что дорого, прогнать?

Она взглянула с удивленьем,

Потом — с участием, без игры:

— Вам тяжело? — Моим волненьем

Не владеют нынче словари.

Я, право, странно изменился.

Смеюсь — и тут же в стороне,

Как будто кто-то поселился

В моём беспечном прежде сне.

Он говорил неловко, прямо,

Без той учтивой пестроты,

Что так умеют в свете дамы

Скрывать сердечные черты.

— Простите мне моё признание,

Но я не в силах больше ждать.

Вы стали мне не увлеченьем

— А тем, без чего нельзя дышать.

Катя смутилась, побледнела,

Потом ответила едва:

А я... я, право, не привыкла

Так слушать сердце на лету.

Во мне всё просто, всё так тихо,

Что я боюсь не ту мечту.

— Нет, — он сказал.

— Не сон, не прихоть.

Я знаю: это не игра.

Когда вы рядом — в мире стихнет

Вся суета и маята.

Я, как мальчишка, жду минуты,

Когда увижу вас опять.

И если это чувство мутно,

То почему ж так сладко ждать?

Она молчала. И в молчанье

Её лицо, её черты

Были исполнены страданья

И лёгкой, тайной доброты.

В ней что-то дрогнуло невольно:

Не страх — нет, не боязнь речей,

— А чувство, что душе привольно

Не быть бесстрастной меж людей.

— Мне трудно, — тихо отвечала,

— Мне страшно сердце развязать.

Я столько раз себе сказала:

Не надо большего желать.

Но вы... вы так по-русски, чисто,

Так просто говорите мне,

Что всё во мне светлей и чище

Становится в моей душе.

И он, услышав это, сразу
Стал счастлив, как ребёнок вдруг;
В его душе, ещё ни разу
Не знавшей столь глубоких мук,
Всё засияло, всё простилось,
И мир, доселе не родной,
Как будто заново открылся
Под этой женской простотой.
Он взял её ладонь несмело —
Не жадно, не в горячке слов,
А так, как трепетно и смело
Берут святыню и любовь.
— Скажите только одно слово,
И я уж буду знать свой путь.
— О нет, — она шепнула снова,
— Не торопите к вам прильнуть.
И он не стал. Он понял сразу,
Что счастье требует тишин.
И пусть не было в том приказа,
Но было: ждать, любить, хранить.
И с той минуты всё меж ними
Случалось словно бы само:
Взгляды — чуть более живыми,
Слова — доверчивей, тепло.

Потом пришёл тот час решенья,

Где чувство требует судьбы.
И в сердце зрелом нет смятенья,
Лишь ясность: быть или не быть.
Он говорил с отцом, с людьми,
Кому положено решать;
Но выше всех земных причин
Было одно: её понять.
— Я не прошу, — он говорил,
— Ни званий, ни пустой опеки.
Я лишь решился полюбить
Так, как не любят в этом веке.
И если мне дано просить
У вас не милости — а правды,
То позвольте мне с ней жить,
Не ради света и награды.

Когда приблизилась война,
И воздух стал тревожней, строже,
Она сказала: «Я должна
Туда, где нужна помощь,
Где можно делом послужить,
Не ждать, когда пройдёт беда,
— А рядом с раненым прожить
Те дни, что тяжки без труда».
Он понял сразу. Не держал,
Не говорил ей о покое.

Лишь грусть в глазах его стояла
И чувство нежное, простое.
— Я знал, — сказал он, — что ваш путь
Не может быть всегда домашним.
Но как мне сердце разомкнуть
И не бояться за вчерашний
Ваш тихий свет? Она в ответ:
— Не надо страха. Если нужно,
Я выдержу. Я знаю, нет
Судьбы без тяжести и дружбы
С тем долгом, что зовёт вперёд.
И вот она уехала.
Не шумно, не в блеске прощальном,
А так, как уезжает тот,
Кто сердцем служит настоящим.

И с той поры почти ежедневно
Шли письма — тёплые, живые.
Он спрашивал о каждом дне,
О свете, ранах, о России.
«Жива ли вы? Устали ли?
Не слишком ли вам там жестоко?
Я мысленно с вами в тиши
Стою, как у пустого рока».
И отвечала Катя так же —
Без жалоб, просто, по-доброу:

«Сегодня было трудно, даже
Порой страшно. Но всё же к утру
Опять приходишь к делу, к людям,
И легче, если кто-то ждёт».
И в этих письмах — без прелюдий —
Жила их верность целый год.
Он писал так, как будто рядом
Она — и в доме, и в пути;
Как будто словом и отрадой
Хотел её от бед спасти.
А ей, среди палат и стонов,
Средь тяжких дней, среди бинтов,
Его письмо бывало словно
Луч тёплый между зимних льдов.

Когда война на время стихла,
И Катя в город возвратилась,
В ней было то, что не потухло:
Та ясность, что в труде родилась.
Её встречали не как светскую
Красавицу, не как мечту, —
А как сестру, прошедшую жёсткую,
Нелёгкую свою версту.
И за труды её наградили —
Не громко, не на шумный лад,
А с той торжественной мерой,

Что честный подвиг чтит и взгляд.
Но ей и это было скромно.
Она смутилась, как всегда:
— Да что вы... я ведь просто помню,
Что там нужнее доброта.
И всё же в этот день он понял,
Что любит больше, чем когда.
В её спокойном, тёплом взоре
Была не молодость — звезда.

Он ждал её не в шуме зала,
Не при огнях, не среди слов.
В тот вечер всё вокруг молчало,
Как будто слушало любовь.
— Я должен вам сказать, — он начал,
И голос чуть заметно дрогнул,
— Что всё, чем жил я прежде, значило
Лишь путь к единственному дому
Она молчала. Он продолжал:
— Я вас люблю. Не на мгновенье,
Не для мечты, не для похвал
— А как судьбу, как откровенье.
Я знаю: путь наш был непрост,
И всё же он привёл к порогу,
Где сердце отвечает в рост,
Не прячась больше от дороги.

Возьмёте ли вы мою жизнь
Не как блеск, не как обещанье,
— А как любовь, где каждый миг
Есть верность, труд и ожидание?
Катя стояла неподвижно.

«Оставь сомненья, Катя, мило, —
Просил он, — будь моей женой.

Пусть небо нас не освятило
В столице этой ледяной,
Но уединенно, к алтарю,
Тебя, мой ангел, принесу!»

Он голос кротко приподнял,
Её ладони нежно сжал.

Она ответила тихонько:

— Не ожидала... Но, верно, выше

Нет дара, чем любовь, в которой

Нет лжи. И, справившись с волнением,

Она сказала: — Да. Люблю.

Мой принц, я стану вам опорой, —

Она ответила, — как дар,

Приму и холод, и пожар,

И пусть молва грозит укором...»

Свершилось. В маленькой церквушке

Сплелись сердца в любви радушной.

Не пышен был тот день, не шумен,

Не для любопытных глаз;
Но в нём был свет особый, юный,
Что не приходит каждый раз.
Их не вели к судьбе с парадом,
Не окружали блеском зал, —
Сама любовь стояла рядом,
И каждый шаг её венчал.
Она была спокойней, тише,
Чем ожидали бы иные;
Но сердце билось чуть слышнее
Под кружевами белизны.
И принц — он был почти смущённый,
Как будто счастье слишком близко,
Стоял, любовью окрылённый,
И взгляд его был не по-детски
Глубок, и светел, и доверчив.
— Вы здесь? — шепнул он ей едва.
— Я здесь, — ответила она,
И в этих двух простых словах
Была вся нежность, вся отвага,
Вся правда сердца напоказ;
И потому звучали мягко
Они сильней торжественных фраз.
Их благословили. И над ними
Как будто сделался светлей
Тот мир, что прежде между ними

Стелил и страх, и тяжесть дней.
Теперь уже не взгляд, не слово,
Не робкий жест и не письмо
— А жизнь сама, и всё в ней новое,
И всё, что быть им суждено.

На палубе, пред ликом моря,
Где пена бьёт о медный киль,
Забыв о страхе и о горе,
Смотрели в голубую пыль.
«Летим в неведомые края,
Где птицы райские порхают», —
Шептал он, кутая в атлас
Сиянье её дивных глаз.
«Тебе не страшно?» — он спросил,
Когда дымок вдали поплыл.
Она ответила, не пряча:
«С тобой мне не ужасен рок!
Пусть путь далёк и одинок,
В моей любви — твоя удача».
Корабль плыл, качаясь в такт,
Судьбы подписан был контракт.

И вот — Сиам, река Менама,
Слоны и джунглей дикий зов.
Но ждала там совсем не драма,

А шёпот злой из-за углов.
Король в Парутсакаванском зале
Принять не хочет в покрывале
Чужую дочь других богов,
Пришедшую из-за снегов.
Принц молвил: «Отче, будь милостив!
Она — моя душа и свет!
Другой такой на свете нет!»
Но царь молчал, чело склонивши.
Любовь под небом жарких стран
Вошла в густой борьбы туман.

Дворец стал клеткой золочёной,
Где Катя, скрытая от глаз,
Жила душою омрачённой,
Свой статус пряча каждый час.
«Мой Лек, — звала она супруга,
— Ужель не вырвемся из круга?
Нас ненавидят за стеной...»
Он отвечал: «Ты лишь со мной!
Терпи, Катюша, время лечит,
Отец смягчится, верь и жди».
Но тропиков всюю дожди
Смывали радость первой встречи.
Она учила их язык,
Чтоб заглушить невольный крик.

Но в ночь, когда над тёмным садом
Луна взошла, как бледный щит,
Катя не плакала украдкой,
Не прятала тоски и стыд.
Она стояла у балкона,
Где пальмы гнулись полусонно,
И слушал жаркий небосклон,
Как бился сердца тихий стон.
И Лек пришёл неслышной тенью,
К её руке припав устал.
Он долго молча целовал
Следы её борьбы с сомнением.
И молвил: «Свет моей судьбы,
Сильнее мира — я и ты».
«Пусть двор судачит, злобно судит,
Пусть гневен старый властелин,
Но день настанет — нас рассудит
Не трон, не кровь, не чин, не сан.
Ты мне дана не для печали,
Не для того, чтоб мы молчали,
Стыдясь сияния любви. Нет,
Катя, голову зови!
Ты не пленница — ты княгиня
Моей души, моих дорог;
И если рок на нас жесток,

Я сам вступлю с ним в поединок.
Я клялся сердцем, не игрой,
Что до конца останусь твой».
Катя взглянула — и впервые
Не скорбь блеснула в глубине,
А свет, каким горят живые
Весной в полночной тишине.
«Мой Лек, — сказала еле слышно,
— Мне страшен не приказ неслышный,
Не шёпот вражеский в углу,
Не взгляд, сулящий только мглу.
Мне страшно стать тебе обузой,
Причиной ссоры и войны,
Чтоб из-за женщины одной
Ты пал под тяжестью союза.
Но если вправду любишь ты
— Я разделю твои мечты».
Тогда, над бездной звёзд тропических,
Где ветер прятался в листве,
Они, как двое обречённых,
Но верных счастью и судьбе,
Давали клятвы без свидетелей,
Без жриц, без пышных песнопений,
Лишь Бог да ночь хранили их,
Да шорох вод, да сад притих.
И в миг тот, полный тайной силы,

Казалось — мир благословил
Союз, что дерзко восходил
Над волей трона и наживы.
Любовь, как пламя среди ветров,
Не знает ни цепей, ни слов.
Но за колонной, в сумрак влитый,
Скрывался чуткий старый слуга;
Он слышал шёпот их сердечный
И понял всё наверняка.
Во тьму скользнув походкой твердой,
Он нёс в покои весть покорно,
Где дремал гневный властелин,
Своих законов господин.
И ночь, что им казалась раем,
Уже таила новый суд:
С рассветом тучи приплывут,
Над их надеждой нависая.
Любовь клянётся до зари —
Но утро требует: гори.

Едва заря зажгла востоки,
Едва умолк ночной прибой,
Как Лека вызвали до срока
В покой отца, во мрак резной.
Там, среди курений благовонных,
Сидел владыка непреклонный,

Как идол древний и немой,
Но с бурей, скрытой под бронёй.
И долго принц стоял без слова,
Склонив почтительно чело,
Пока, как лезвие, не шло
Признание гневное, сурово:
«Ты дом мой дерзостью пятнишь,
Ты кровь царей моих срамишь».
«Отец, — сказал царевич тихо,
— Я не бесчестил ваш престол.
Любовь пришла ко мне не лихо,
Не как соблазн, не как укол.
Она чиста, как свет над храмом,
Она не ищет власти даром,
Не жаждет золота, венца.
В ней нет корысти, нет конца.
Я взял Катюшу сердцем, волей,
И пред Небесной высотой
Она мне стала уж женой,
Не временной моей неволей.
Казните — но не отниму
Ту, что доверилась ему».
Тогда старик привстал с подушек,
И тень легла на жёлтый шёлк.
«Мальчишка! — крикнул он. — Игрушек
Ты в женщинах искать привык.

Но царский сын не властен сердцем,
Когда судьба стучится в дверцы,
Когда на чашах — мир держав,
Союз, порядок, древний прав.
Ты должен взять супругу знатно,
Из тех, кто равен нам по крови,
Чтоб род скрепился на основе
Закона, чтимого стократно.
А эту северную гостью
Я не пущу к престолу костью».
Принц побледнел, но не склонился,
Как пальма в бурю на скале.
В его глазах огонь родился,
Досель не ведомый земле.
«Я сын ваш, да, и чту веленья,
Но есть предел и повеленью,
Когда велят предать любовь,
Разбить невинность, верность, кровь.
Я не отдам её на муку,
Не отрекусь, пока я жив.
Пусть гнев ваш будет справедлив
— Я лучше сам приму разлуку.
Но знайте: если трон велик,
То честь любви — ещё святей».
Владыка долго, тяжело, мрачно
Смотрел на юного сына.

И вдруг сказал спокойно, смачно,
Как суд, что пишет времена:
«Пусть будет так. Её не трону.
Но ты не выйдешь из закона.
С сегодняшнего дня она
В своих покоях заперта.
И ты, пока не образумишь
Свою горячую мечту,
Не переступишь ту черту,
Где честь отца ты в прах не рушишь.
Ступай. И помни: трон суров.
Он глуше слёз и жарче слов».
Вернулся Лек с лицом белее
Жемчужной пены на волне.
Катя ждала, бледнея, в зное,
Как ждут ответа в страшном сне.
Она всё поняла по взгляду,
По этой медленной досаде,
Что легла тенью на чело,
Где счастье ночью расцвело.
«Нас разлучат?» — она спросила.
И он ответил: «Не совсем.
Но стали стены глуше тем,
Что ночь нам тайно подарила.
Теперь нам каждый шаг — как бой,
Но я по-прежнему с тобой».

И с той поры у двери каждой
Стояли стражи день и ночь.
Дворец, вчера казавший важным,
Хотел влюблённых превозмочь.
К Кате являлись лишь служанки,
Да шёпот сада спозаранку,
Да редкий луч сквозь ставен ряд,
Как вестник сдержанных преград.
Но в сердце, где любовь горела,
Уже рождался тайный план:
Не вечно длится злой обман,
Не вечно цепь владеет телом.
Когда закрыт земной чертог —
Для смелых путь откроет Бог.

С тех пор под сводами немыми,
Где стлался полдня сонный жар,
Любовь искала путь незримый
Сквозь сеть запретов и кошмар.
Не смел уж Лек прийти к балкону,
Не смел предстать, минуя стражу,
Но сердце, верное одной,
Не примирялось с тишиной.
И старый слуга, что в час ночной
Их клятву слышал в тьме садов,
Не выдал тайны до основ,

А сжалился над их судьбой.
Он был суров, но не жесток,
И понял: чист их огонёк.
Он Кате утром нёс в корзине
То манго, то цветок простой,
И меж плодов, в густой жасмине,
Таился свиток небольшой.
В нём Лек писал: «Живу тобою.
Не верь ни страху, ни покою,
Ни тем, кто шепчет: всё прошло.
Мне без тебя и свет — темно.
Я день и ночь ищу решенье,
Я спорю с верными людьми,
Я жду лишь знака от любви,
Чтоб разорвать судьбы плененье.
Терпи, Катюша, не скорби:
Есть тайный путь у нас в ночи».
Она дрожащими руками
Ответ чертила второпях
На тонком шёлке, меж цветами,
Слезу скрывая на словах:
«Мой Лек, мой друг, моя отрада,
Мне ничего уже не надо —
Ни славы, ни чужих похвал,
Лишь бы ты сам не пострадал.
Здесь всё мне чуждо: зной и шорох,

И золото резных дверей,
И шёпот вкрадчивый людей,
Чей взгляд, как нож, и тих, и порох.
Но если любишь — я сильна,
И муку выпью всю до дна».
Так между ними день за днём
Летели тайные признанья,
Как птицы в сумраке лесном,
Ища сквозь ветви оправданья.
В письмах был сад, где ночь дышала,
Река, что пальмы отражала,
И Русь, занесённая снегом,
И Сиам с багровым рассветом.
Два мира в строчках их сходились,
Две веры, два далёких сна,
И всё, чем жизнь была полна,
В едином чувстве примирились.
Любовь, скрываясь за стеной,
Росла — как лотос под волной.
Но не дремал дворец ревнивый.
Одна из старших жен двора,
Чья речь была медово-льстивой,
Чей взор — холодный, как игра,
Давно следила за чужбиной,
За русской пленницей невинной,
И, видя, как бледнеет та,

Понять стремилась неспроста:
Откуда в ней такая сила,
Какая тайна в тишине
Даёт ей свет в глухом окне,
Когда надежда всем остыла?
И скоро зависть, как змея,
Скользнула в тень небытия.
Однажды, вечером дождливым,
Когда гремел небесный свод,
Служанка, верная ретиво,
Несла Катюшин тайный свод.
Но на пороге поворота
Её окликнул кто-то кротко,
И, испугавшись, в тот же миг
Она уронила шёлковый лик.
Письмо скользнуло из корзины,
Как выданный судьбой секрет;
И чья-то цепкая рука вослед
Его подняла из гардины.
Так буря, бившая в окно,
Внесла предвестие одно.
Не знал ещё царевич юный,
Что слово, писанное в жар,
Опасней меча и стрелы шумной,
Когда вокруг придворный дар.
Не знала Катя, сном смиряя

Свою тоску у края рая,
Что над любовью встал тайком
Уже не гнев, а злой излом.
И только ночь, шумя листвою,
Как будто плакала о них,
О тех, кто в клятвах молодых
Пошли наперекор судьбою.
Письмо способно греть в разлуке —
И стать цепями в чьей-то руке.
Если хочешь, я продолжу

Наутро в зале полутёмном,
Где веял сандаловый туман,
Сидел владыка непреклонный,
Как суд, как древний талисман.
И перед ним, склонясь учтиво,
Стояла дама молчаливо,
Та, чьё лицо скрывало лесть,
А в сердце зрела злая месть.
В её руках, как улика злая,
Лежал измятый шёлк письма,
Где, не страшась ни тьмы, ни сна,
Любовь дышала, не скрывая.
И старый царь, прочтя слова,
Нахмурил грозно брови два.
«Вот до чего дошло бесчестье, —

Промолвил он, сдержав свой крик.
— В моём дому, под кровлей чести,
Сынам велят любить, как стих.
Он пишет ей, простолюдинке,
Забыв о долге и о свите,
О предках, славе и стране,
Что доверяют трон лишь мне.
Нет, слишком долго я был мягок.
Любовь их — вызов и укор.
Пора пресечь ненужный спор,
Пока не стал он язвой тяжкой.
Пусть эта русская жена
Узнает: власть здесь не одна».
И тотчас дан был знак безмолвный.
В покои Кати, в полдень злой,
Пошли служанки с речью ровной,
Но с непреклонною рукой.
С неё сняли перстень венчальный,
Как будто знак любви печальной,
Отняли шёлк, чернила, нож,
Всё, чем поддерживалась дрожь.
Закрыли ставни. Даже птицам
Не дали петь под тем окном.
И сад, что прежде был мостом,
Стал только сном, лишь сном, лишь снится.
Так у любви в один лишь час

Отняли голос, свет и лаз.
Катя сперва не закричала.
Она стояла, как во льду,
И только губы прошептали:
«За что?.. Я всё перенесу».
Но в этот миг, как рана в сердце,
Вошло сознание: не согреться,
Не увидеть его лица,
Не слышать милого словца.
И села тихо у постели,
Как будто сил лишилась вдруг;
И мир тропический вокруг
Стал пуст, как храм без акварели.
Лишь память — снег, берёзный край —
Шептала ей: «Не умирай».
А Лек, узнав о новой каре,
Как буря, кинулся к отцу.
Он не просил уже в ударе —
Он шёл с отчаяньем к лицу.
«Зачем терзать её напрасно?»
Она чиста, она безгласна,
Она и так здесь, как в плену,
За что ж усиливать вину?
Вы взяли всё — свободу, встречи,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.